

УДК 904:391.7(470.51)(045)
EDN AJUZPM<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

СОСТАВНЫЕ НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ В ЖЕНСКОМ УБОРЕ III — V вв. н. э. СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ (по материалам погребения 98В Дубровского могильника)

О. Ф. Хайруллина¹✉, Е. М. Черных²¹ Агентство по государственной охране объектов
культурного наследия Удмуртской Республики,
г. Ижевск, Россия² Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия
✉olenbka93@bk.ru

Аннотация

Введение. Неотъемлемой частью культуры финно-угорских народов являются составные и наборные (шумящие) украшения костюма. Степень изученности их археологических аналогов для различных территорий и хронологических периодов, в том числе для Камско-Вятского междуречья, неодинакова. Целью публикации является введение в научный оборот малоизученных элементов женского костюма мазунинской культуры III — V вв. н. э. — составных (шумящих) нагрудных украшений. Ярким примером такого эффектного атрибута мазунинского убора выступает украшение из погребения 98В Дубровского могильника.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили архивная полевая и отчетная документация, публикации и предметы из музейных коллекций Ижевска, Сарапула и Екатеринбурга (131 украшение из 13 могильников мазунинской культуры). Используются следующие методы: формально-типологический, классификации и аналогий, этнографических параллелей, реконструкции, узких датировок и корреляции.

Результаты исследования и их обсуждение. Реконструкция нагрудного украшения из погребения 98В Дубровского могильника выполнена на основании детальной полевой фиксации материала: к пружине и приемнику иглы фибулы типа Останина 1-5 были подвешены на предположительно кожаных шнурах низки бисера и спиральновитых пронизок, которые оканчивались колоколовидными подвесками. Аналоги украшения выявлены главным образом в погребениях молодых женщин. Фиксация привесок на застежке осуществлялась: посредством металлических петелек / специальных отверстий на щитке фибулы (тип 1); с помощью шнурков с наборными привесками, которые подвешивали на пружину, приемник или иглу застежки (тип 2). Второй тип украшений был известен на протяжении всего существования мазунинской культуры; первый тип, скорее всего, появился под влиянием западных (азелинских) культурных традиций около середины IV в. (?)

Заключение. Рассмотренные нагрудные украшения мазунинской культуры самобытны и оригинальны, но выполнены в традициях финно-угорских шумящих аксессуаров костюма. Близкие параллели наблюдаются в этнографической культуре поволжских финнов — мордвы и марийцев.

Ключевые слова: ранний железный век, раннее средневековье, Среднее Прикамье, мазунинская культура, археологический костюм, женский убор, нагрудные украшения, шумящие украшения

Для цитирования: Хайруллина О. Ф., Черных Е. М. Составные нагрудные украшения в женском уборе III — V вв. н. э. Среднего Прикамья (по материалам погребения 98В Дубровско-

© Хайруллина О. Ф., Черных Е. М., 2024

го могильника) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 124 — 141. EDN AJUZPM

Original article

**COMPOSITE BREAST ADORNMENTS
IN THE WOMEN'S ATTIRE OF THE MIDDLE KAMA REGION
IN THE III — V CENTURIES AD
(the Case of the Tomb 98B of Dubrovsky Burial Ground)**

O. F. Khairullina¹✉, E. M. Chernykh²

¹ Agency for the State Protection of Cultural Heritage Sites of the Udmurt Republic, Izhevsk, Russia

² Udmurt Republic, Izhevsk, Russia
✉ olenbka93@bk.ru

Abstract

Introduction. The composite and plate-decorated (jingling) adornments are an integral part of the Finno-Ugric culture. Archaeological analogues of these objects have been studied unevenly over different territories and throughout various periods of history. The same can be said about the Kama and Vyatka interfluves. The purpose of the article is to introduce into scientific discourse insufficiently studied composite (jingling) breast adornments of the Mazunino culture (III — V centuries AD). And a clear example of such a spectacular costume element is a jewel from the grave N° 98B of Dubrovsky cemetery.

Materials and methods. The research is based on archival documentation, publications and museum collections of Izhevsk, Sarapul and Yekaterinburg. In total, 131 adornments from 13 necropolises of the Mazunino Culture have been examined. The article uses methods of formal typology, classification and the nearest neighbor method, reconstruction and ethnographic parallels, narrow dating and cultural stratigraphy.

Results and discussion. The article presents a detailed reconstruction of the Dubrovsky composite adornment: beads and metal twisted pendants were fixed with leather ties at the spring and catch plate of the brooch type Ostanina 1 — 5. Similar jewelry is found mainly in the graves of young women. During the study, two ways of fixing pendants to brooches were identified. The first type involves the use of metal loops or special holes on the fibula shield (the type Ostanina 2-a). In another case, the decorated threads were tied to the spring, catch plate or pin of the fibula (the second type). The first way could appear under the influence of the Western (the Azelino culture?) traditions. The second type of adornments has been used throughout the existence of the Mazunino culture.

Conclusion. The Mazunino jewelry, reviewed above, is unique and distinctive, but they were made in the traditions of Finno-Ugric jingling costume attributes. Close parallels can be observed in the ethnographic culture of the Volga Finns — Mordvins and Maris.

Keywords: Early Iron Age, Early Middle Ages, Middle Kama region, Mazunino Culture, archaeological costume, female costume, breast adornments, jingling pendants

For citation: Khairullina OF, Chernykh EM. Composite Breast Adornments in the Women's Attire of the Middle Kama Region in the III — V Centuries AD (the Case of the Tomb 98B of Dubrovsky Burial Ground). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(2):124— 141. EDN AJUZPM

Введение

Своеобразной «визитной карточкой» женского убора финно-угорских народов Урало-Поволжья, а также финно-угорского мира в целом являются всевозможные

виды составных¹ и наборных² украшений, которые нередко выполняли функции шумящих аксессуаров костюма. Истоки данного феномена прослеживаются, по-видимому, уже в ананьинское время [9, с. 79 — 84; 28], тогда как расцвет и наибольший размах бытования подобных украшений приходится на эпоху средневековья [29] и новое время. При этом степень изученности шумящих украшений в разные периоды древности и средневековья для различных территорий финно-угорской «ойкумены» неодинакова. Примером тому может служить среднекамский женский убор III — V вв. н. э., где данный вид украшений долгое время оставался вне предметного интереса археологов (как специалистов по мазунинской культуре, так и исследователей костюма населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э.). Целью настоящей публикации является обращение к одному из элементов мазунинского женского убора — составным (шумящим) нагрудным украшениям, ставшее возможным благодаря исследованию новых мазунинских памятников (в частности, Дубровского могильника в Удмуртском Прикамье) и публикации материалов уже известных некрополей.

Обзор литературы

В региональной археологической литературе сведения о мазунинских составных (шумящих) нагрудных украшениях крайне скудны. Т. И. Останина упоминает лишь «простые» случаи размещения шумящих привесок на щитках фибул [20, с. 43, 44], тогда как «сложные» варианты украшений чаще интерпретировались в качестве не связанных друг с другом ритуальных скоплений вещей — так называемых жертвенных (дарственных) комплексов. Лишь с монографической публикацией материалов Тарасовского могильника появились немногочисленные, но яркие свидетельства наличия массивных привесных украшений, которые фиксировались рядом с застежками [6]. Однако в специальных работах по прикамскому костюму этот аспект должного развития не получил [11, с. 119 — 121, 176, 177, 184].

Достаточно подробная характеристика составных нагрудных украшений появилась после публикации результатов исследования погребальных комплексов из грунтовой части Тураевского I могильника; для некоторых наиболее аттрактивных случаев Л. И. Липиной были выполнены реконструкции костюма, в том числе сложных нагрудных украшений [7, с. 72, 79 — 80, 118 — 121, 172, 173]. Последнее и наиболее полное на сегодняшний день описание составных украшений мазунинской культуры дано Т. М. Сабировой в контексте изучения прикамских фибул [21]. Однако выделенные исследовательницей варианты дополнительных привесок к фибулам-застежкам (1 — привески-цепочки, 2 — цепочки с украшениями на концах, 3 — привески, крепящиеся к петле/кольцу на щитке застежки) [21, с. 30 — 31, 180]

¹ «Составной — составленный из нескольких частей» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. С. 751). Под данным термином нами понимаются сложные изделия, выполненные из нескольких самостоятельных украшений (например, упоминаемые в тексте статьи фибулы с дополнительными привесками из различных материалов).

² «Наборный — составленный из мелких однородных частей» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 375), т. е. украшения, созданные из более мелких категорий украшений (например, пронизи, составленные из одного-нескольких материалов — бус, пронизок и т. д.).

не отражают в полной мере специфику данного вида украшений. Анализ мазунинского материала, включая наиболее эффектные экземпляры украшений, как, например, из погребения 98В Дубровского могильника, диктуют иную схему группировки данных.

Материалы и методы

Выборка украшений проводилась на основании анализа опубликованных планов погребений, архивной (полевой и отчетной) документации, работы с коллекциями предметов, хранящихся в Учебном кабинете кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск), фондах Национального музея Удмуртской Республики им. Кузубая Герда (г. Ижевск), Сарапульского музея-заповедника (г. Сарапул), в Археологическом музее Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). В работе использовались такие широко применяемые в археологии методы, как формально-типологический, классификации и аналогий, реконструкции, узких датировок и корреляции, этнографических параллелей.

Результаты исследования и их обсуждение

Украшение, ставшее предметом нашего анализа, происходит из погребения 98 Дубровского могильника мазунинской археологической культуры, расположенного на юге Удмуртской Республики (Киясовский муниципальный район). Некрополь исследован Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета в 2009 — 2017 гг. под общим руководством Е. М. Черных; датируется IV — началом V в. н. э. [3; 29, 30; 31].

Погребение 98 изучено в 2012 г. В широкой (230 × 185 см) и достаточно глубокой (113 см) могильной яме простой конструкции (с вертикальными стенками и плоским дном) были захоронены четыре индивида (рис. 1). Центральное место в яме занимал женский костяк (98В) 14-18 лет; слева и справа от него обнаружены останки троих детей (98А, 98Б и 98Г) 7-10 и 12-14 лет. Сохранность костей плохая. Все умершие были захоронены одновременно, уложены вытянуто на спине, головой на ЮЮВ.

Основной погребальный инвентарь принадлежал молодой женщине. В состав его, помимо нагрудного украшения, входил достаточно редкий для мазунинского костюма высокий головной убор [12; 13]. Его твердая органическая основа дополнялась декором из полусферических бляшек, железных цепочек, трапециевидных подвесок, наконечником из сплетенных железных колец и железными с бронзовой обмоткой височными подвесками мазунинского типа. В изголовье умершей был расчищен типичный для мазунино жертвенный комплект, включавший бронзовую круглопроволочную гривну и еще один головной убор типа повязки — кожаная лента с бронзовыми накладками-обоймами (типа [20, с. 48, рис. 5: 24]). Справа вдоль тела умершей был уложен пояс, украшенный бронзовыми шляпками-полугорошинами: железная щитковая пряжка и наконечник ремня (неудовлетворительной сохранности), накладки ромбической формы (аналогичные [7, с. 127, 398, табл. 223: 2 — 4]).

Сложное составное украшение было расчищено *in situ*, в центральной части грудной клетки женщины, приблизительно на уровне несохранившихся плечевых костей (см. рис. 1). Основным элементом украшения являлась крупная (13,2 × 9,9 см) бабочковидная фибула типа Останина 1-5, к пружине и приемнику иглы которой

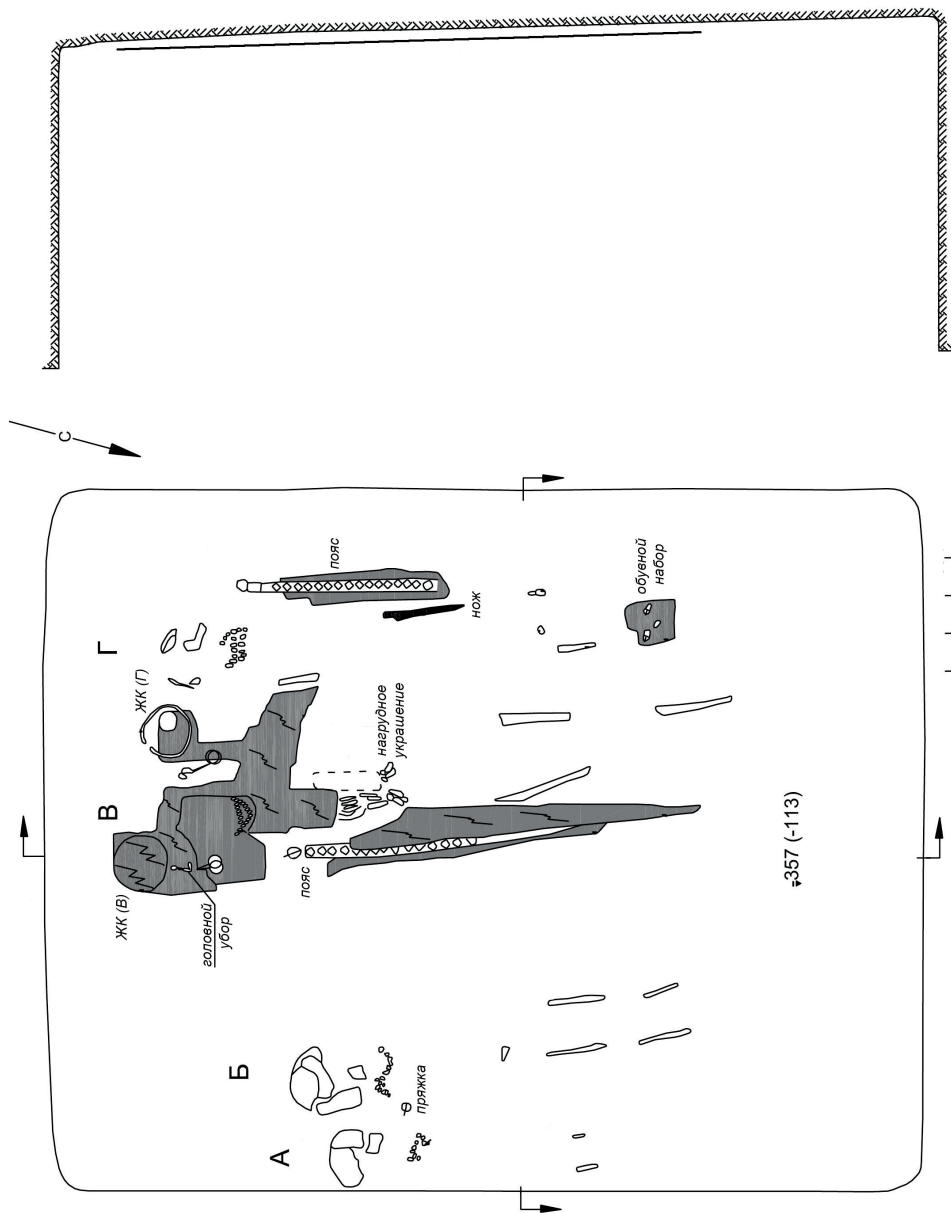

Рис. 1. План погребения 98 Дубровского могильника
Figure 1. Dubrovskiy burial ground, grave 98. Plan

крепились низки бисера и спиральновитых пронизок с колоколовидными подвесками (рис. 2). Щиток фибулы железный, к нему прикреплены заклепками-полугорошинами накладки из цветного металла. Нижний край щитка украшали медные привески-колечки. Железная пружина фибулы имеет удлиненные концы — «усы», перевитые бронзовой проволокой. К этой части фибулы и были привязаны бронзовые спиральновитые (в верхней части) и железные (в нижней части) пронизки в 5 — 6 рядов, крепившиеся, вероятно, на кожаных шнурках. Симметрично им к приемнику иглы было подвешено не менее 8 — 9 низок бисера в определенном порядке: каждый ряд начинался с 1 — 2 бусин желтого цвета, тогда как основное пространство низок было заполнено бирюзовым (единично зеленым и черным) бисером. Концы низок завершались полыми железными подвесками-колокольчиками: три экземпляра со стороны пронизок, еще четыре — на концах бисерных рядов. Общая длина такого

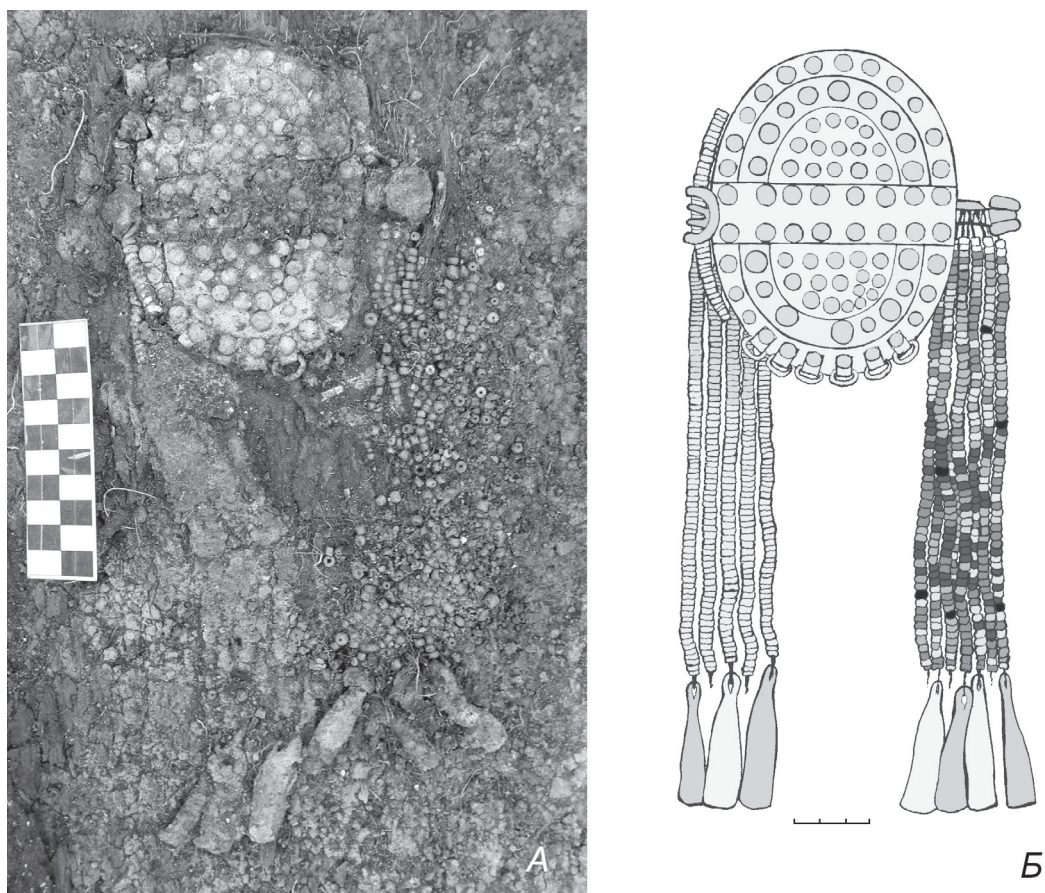

Рис. 2. Нагрудное украшение из погребения 98В Дубровского могильника:

А — *in situ*, Б — вариант реконструкции

Figure 2. Dubrovskiy burial ground. Breast adornment from grave 98B:

А — *in situ*, Б — reconstruction, a version

сложного нагрудного украшения составляла не менее 30 см. Под фибулой и под съемными украшениями зафиксированы остатки ткани от погребальной одежды умершей.

Обратимся к поиску аналогий в мазунинском ареале (таблица). Всего нами учтено 131 украшение, обнаруженное в 129 погребениях (у 129 индивидов). Это лишь 4,3 % от 2 974 погребений из 13 могильников (Усть-Сарапульский, Покровский, Нивский, Тураевский I, Сайгатский, Тарасовский, Ижевский, Дубровский, Боярский, Старо-Кабановский, Старо-Муштинский, Ангасякский, Бирский) [1; 5; 6; 7; 15; 19; 23; 24; 25]³. С определенной степенью осторожности учитывались «сомнительные»

Таблица. Составные нагрудные украшения в мазунинских могильниках

Table. Composite breast adornments in the Mazunino burial grounds

Могильник	Погребения	Количество / процент от исследованных погребений (общее количество погребений)
Тарасовский	25Б*, 28, 74, 85, 103, 113*, 115, 116, 130, 154, 157, 160*, 169А, 185, 193*, 223*, 295*, 374, 383, 402, 429, 477, 504, 532, 571*, 680А, 704, 717, 736Б, 751, 783, 863*, 883*, 1019А, 1027, 1028*, 1675, 1691, 1721, 1762, 1783, 1786, 1822	43 / 4,9 (870 — мазунинская часть)
Тураевский I (грунтовая часть)	12, 14*, 29, 33, 39, 60*, 66, 73, 77, 83*, 101, 102, 103*, 107, 108, 134, 135, 137, 149, 153, 157, 165, 172, 174, 178, 182, 195, 201А, 202, 204, 217, 225, 250, 257	34 / 12,4 (274)
Нивский	14Б*, 64, 73*, 77*, 81, 83Б*, 120, 132, 150А	9 / 5,9 (153)
Старо-Кабановский	71, 80*, 98*, 115, 135, 152, 154*	7 / 4,5 (155)
Ижевский	48*, 50*, 96*, 100, 132*, 139	6 / 2,8 (211)
Дубровский	77А, 85, 98В, 136*, 192, 203*	6 / 3,0 (203)
Покровский	28А, 88*, 139, 147, 149*, 247	6 / 1,6 (364)
Усть-Сарапульский	1, 26, 52, 69*, 112	5 / 4,3 (115)
Сайгатский	8, 27*, 30*, 33*, 41	5 / 11,6 (43)
Боярский	21, 42, 89, 141	4 / 2,2 (183)
Старо-Муштинский	к. 10/1*, к. 18/4*	2 / 2,0 (102)
Ангасякский	93	1 / 1,0 (95)
Бирский (от количества опубликованных Н. А. Мажитовым в 1968 г.)	35	1 / 0,5 (206)
Итого		129 / 4,3 (2 974)

* — «сомнительные» случаи украшений;

к. — курган

³ Покровский могильник IV — V вв.: каталог археолог. коллекции / сост. Т. И. Останина. Ижевск, 1992. 94 с.

находки украшений (всего 36 случаев). К таковым отнесены комплексы (1) с отсутствующими планами погребений (при наличии описания и/или рисунка украшения), (2) с «нестандартным» расположением предметов в области грудной клетки или (3) составом украшения (например, наличие мелких орудий труда; комплексы без застежек), (4) с неудовлетворительной сохранностью предметов, (5) расположенные в ритуальных (жертвенных) комплектах, если способ крепления к застежке однозначно не устанавливается.

Половозрастные данные, имеющиеся по 6 могильникам (Покровский, Тураевский I, Тарасовский, Ижевский, Дубровский, Боярский — 79 костяков, или 61,2 % выборки), убеждают, что указанные украшения принадлежали в основном женщинам (60 костяков, или 75,9 %) и, как правило, молодым — от 14 до 30 лет (45 случаев, или 73,8 %). Реже они встречались в погребальном инвентаре женщин старшего возраста от 30-35 до 50 лет (15 случаев, или 25,0 %) и детей от 3-5 до 12-14 лет (12 случаев, или 15,0 %).

Чаще всего остатки нагрудных украшений фиксировались в области грудной клетки (77 случаев) или пояса (8 случаев) погребенного, т. е. в составе посмертного костюма. В остальных случаях их положение в погребении, очевидно, определялось религиозными воззрениями мазунинцев: найдены со скоплениями вещей — в жертвенных комплексах (27 случаев), в области черепа (справа/слева или под ним — 5), у левого или правого плеча (7), бедренной кости (с левой стороны, 1 случай). Еще в 6 случаях местоположение украшений не определено ввиду неудовлетворительной сохранности антропологического материала; зафиксированы такие предметы в центральной части могилы — в области предполагаемой грудной клетки / пояса, т. е., вероятно, так, как использовались в костюме.

Основным крепежным элементом, фиксировавшим на платье весь набор украшений, являлась фибула, реже — сьюльгама/бляха. К ней подвешивались украшения, состав которых зависел от трех взаимосвязанных факторов — моды («шаблона») на данные шумящие украшения в местной среде (т. е. застежка + привески к ней), наличия соответствующих материалов, личных предпочтений владелиц. Привески фиксировались к основе несколькими способами: 1 — посредством металлических петель, крепившихся шпеньками-полугорошинами к нижней части щитка фибулы / специальных отверстий на самой фибуле («ажурные» (азелинские) застежки типа Останина 2-а); 2 — с помощью шнурков из органических материалов (или иных фиксаторов), которые подвешивали наборные привески на пружину и/или приемник иглы либо на среднюю часть иглы фибулы.

К **первому типу** отнесены 38 украшений: Усть-Сарапулка 26, Покровский 147, Нива 150А, Тураево 33, 102, 108, 165, 174, 201А, 217, 257, Сайгатка 8, Тарасово 116, 154, 157, 185, 223, 402, 429, 1019А, 1675, 1721, Дубровский 77А, 85, 192, Боярка 89, 141, Старо-Кабаново 71, 115; часть из них имела дополнительные (наборные) привески (тип 2, вариант 2, описаны ниже) — Усть-Сарапулка 1, Тураево 66, 77, 135, 204, Тарасово 504, 1762, Старо-Кабаново 98, 135. Схема создания таких украшений стандартна: использовались бабочковидные фибулы типа Останина 1-5 или «сайгатского» типа (2-а — с ажурной спинкой, 2-б — с щитком в виде выступов (тройных округлых), 2-в — с прямоугольной спинкой); к щиткам застежек привешивались каплевидные/секировидные, якорьковидные, кольцевидные, восьмерковидные, колоколовидные, лапчатые и иные формы привесок [23, с. 22, 30, 31, 180].

Наборные шумящие привески на шнурах — **второй тип** — отличаются разнообразием состава категорий украшений: подвески, накладки, пронизки, цепочки, предметы кольчужного плетения, бисер. Устойчивых комбинаций элементов здесь не наблюдается; некоторые закономерности выделяются лишь по наличию/отсутствию той или иной категории в составе описываемых украшений.

Вариант 1 — сочетание застежки с привесками из подвесок / пронизок / накладок / простых цепочек/бисера (без предметов кольчужного плетения) — 36 случаев. На пружинах некоторых фибул сохранились остатки шнурков (Тураево 153, 172). В данной группе украшений есть довольно скромные предметы с небольшим количеством привесок из одной или нескольких категорий: например, зооморфных (медведей/уточек) или спиральновитых пронизок, каплевидных/секировидных подвесок, простых цепочек, бисера и т. д. (Усть-Сарапулка 69, 112; Покровский 139; Нива 64, 81; Тураево 103, 149, 153, 172, 182, 195; Тарасово 25Б, 74, 680А, 717Б, 751, 863, 1783; Ижевск 96, 100; Боярка 42; Старо-Кабаново 152; Бирск 35). К их числу относится, очевидно, железная коробочка-пиксида, обнаруженная рядом с фибулой типа Останина 1-5 в погребении 103 Тураевского могильника. Выделяются также пронизы с более разнообразным составом привесных украшений: Нива 120, 132, Тураево 157, Сайгатка 41, Тарасово 115, 477, 532, 736Б, 1028, Ижевск 48, 50, 139, Дубровский 98В. Некоторые из них отличаются размерами, как, например, в описанном выше Дубровском или в Нивском (погребение 120; пронизы длиной не менее 20 см из железных пронизок и трапециевидных подвесок) могильниках.

Довольно часто к мазунинским фибулам прикрепляли привесные украшения, состоявшие из предметов кольчужного плетения (остатки импортных воинских доспехов *lorica hamata*, которые использовались в костюме местного населения [28]) с подвесками (например, трапециевидными, восьмерковидными, кольцевидными, каплевидными, якорьковидными, лапчатыми, зооморфными (уточки и коньки), а также подвесками-цепочками и подвесками-колокольчиками) и бисером/бусами (*вариант 2*) — 36 случаев: Усть-Сарапулка 1, Покровский 28А, 88, 149, 247, Тураево 12, 29, 39, 60, 66, 73, 77, 101, 135, 137, 202, 204, 225, 250, Тарасово 85, 103, 130, 169А, 374, 383, 504, 783, 883, 1027, 1691, 1762, 1786, Дубровский 136, Старо-Кабаново 80, 98, 135⁴.

Некоторые экземпляры нагрудных украшений имели длинные (до 30 см) и массивные привески, которые фиксировались в погребениях *in situ* в виде спекшегося конгломерата связанных с фибулой украшений. При изучении планов погребений и, особенно, музейных предметов детально реконструируются следующие способы крепления привесок к застежкам: только к одной из сторон — либо к пружине, либо к игле приемника (Усть-Сарапулка 1, Покровский 247, Тураево 101, 135, 137, 204; Тарасово 130, 374, 504, 783, 1786, Дубровский 136), со стороны пружины и к щитку фибулы (Тураево 12), симметрично с двух сторон (к пружине и к игле; Тураево, 29, 66, 250), либо на саму иглу, спускаясь по центру застежки (Тарасово 103, 169А, 383, 1027, 1691). Часто под «монолитом» описываемых украшений сохраняются фрагменты ткани и иные, связанные с костюмом, органические остатки.

⁴ В 9 из них на щитках фибул фиксируются простые шумящие привески типа 1 (погребения перечислены выше). Состояние предметов кольчужного плетения различное; некоторые из них имеют плохую сохранность: Покровский 28А, 88, 149, Тураево 60, 77, 202, 225; Тарасово 85.

Из рассматриваемых нагрудных украшений особо выделяется предмет из погребения 66 Тураевского могильника, реконструкция которого выполнена Л. И. Липиной [7, с. 173, 226]. При повторном осмотре украшения установлено, что массивные шумящие привески, состоявшие из фрагментов железных кольчужек, простых цепочек и восьмерковидных подвесок из цветного сплава, привешивались не к подвескам, дополнительно украшавшим щиток застежки (последние не выдержали бы столь тяжелого веса низок), а к пружине и к приемнику иглы фибулы типа Останина 2-б с помощью кожаных шнурков (рис. 3). Сами подвески были выполнены из железа, в одном стиле с застежкой, и состояли из 4 круглых «лепестков», украшенных бронзовыми полугорошинами (5-й, возможно, железный; мог находиться в центре подвески). Поскольку фибула имеет небольшие размеры (~8,5 × 3,5 см), свисавшие с двух сторон массивные низки разделялись бронзовой пронизкой-трубочкой, соединявшейся с последними, очевидно, при помощи шнурков из органических материалов. Концы низок были украшены трапециевидными, прямоугольными, лапчатыми и зооморфными (уточка, конек, медведь) подвесками. Общая длина такого составного нагрудного украшения не менее 30 см.

В 7 случаях тип привесок, крепившихся к фибуле, не определен (ввиду плохой сохранности предметов): Нива 73, 77, 83Б, Тарасово 160, 193, 1822, Дубровский 203. В погребении 83Б Нивского могильника в пружине застежки сохранились остатки узкого (шириной 0,3 см) кожаного ремешка.

Иногда вместо фибулы для подвешивания шумящих украшений использовались железные или бронзовые сюльгамы (9 случаев). Сочетались они с подвесками (трапециевидными, колоколовидными, раннечегандинскими с тремя округлыми выступами в нижней части; Тураево 178, Старо-Кабаново 154) и круглыми бляхами (Тарасово 571), предметами кольчужного плетения (Тураево 134, Сайгатка 27, Боярка 21), спиральновитыми пронизками с бусами/бисером (Тарасово 28) или только с бисером (Тарасово 113, Ижевск 132). Подвешивались на застежку, вероятно, с помощью шнурков. Единственная комбинация из бляхи и кольчужного предмета (?) обнаружена в погребении 30 Сайгатского могильника. На обороте бронзовой умбоновидной бляшки имелась железная петля, на которую, очевидно, крепилось украшение из кольчуги.

С определенной долей вероятности шумящими нагрудными украшениями могут являться также скопления предметов в области грудной клетки или пояса, которые обнаружены без какого-либо фиксатора (фибулы или сюльгамы) на костяке (11 случаев). Это могут быть мелкие или относительно крупные куски кольчужного плетения (Тураево 14, 83, Нива 14Б, Сайгатка 33, Старая Мушта к. 18/4, Ангасяк 93), с подвесками (подвески-лапки, трапециевидные; Тураево 107), а также украшения, состоящие из подвесок, пронизок, цепочек, бус (Усть-Сарапулка 52, Тарасово 295, 704, Старая Мушта к. 10/1). Реконструкция способа фиксации такого украшения весьма проблематична. Там, где вещей немного, и они лежат скученно, такие украшения могли подвешивать на шнурках. Крупные куски «кольчужки» (Сайгатка 33, Старая Мушта к. 18/4, Ангасяк 93), вероятно, нашивались на тканевую основу. Хотя крепление последних с помощью шнурков, как, например, на фибулах (за верхние ряды колец или с помощью восьмерковидных подвесок), вполне допустимо.

Рассмотрим датировку мазунинских комплексов с шумящими украшениями. Анализируя фибулы мазунинской культуры, Т. М. Сабирова пришла к выводу, что привесные украшения использовались только с застежками типов Останина 1-5 и

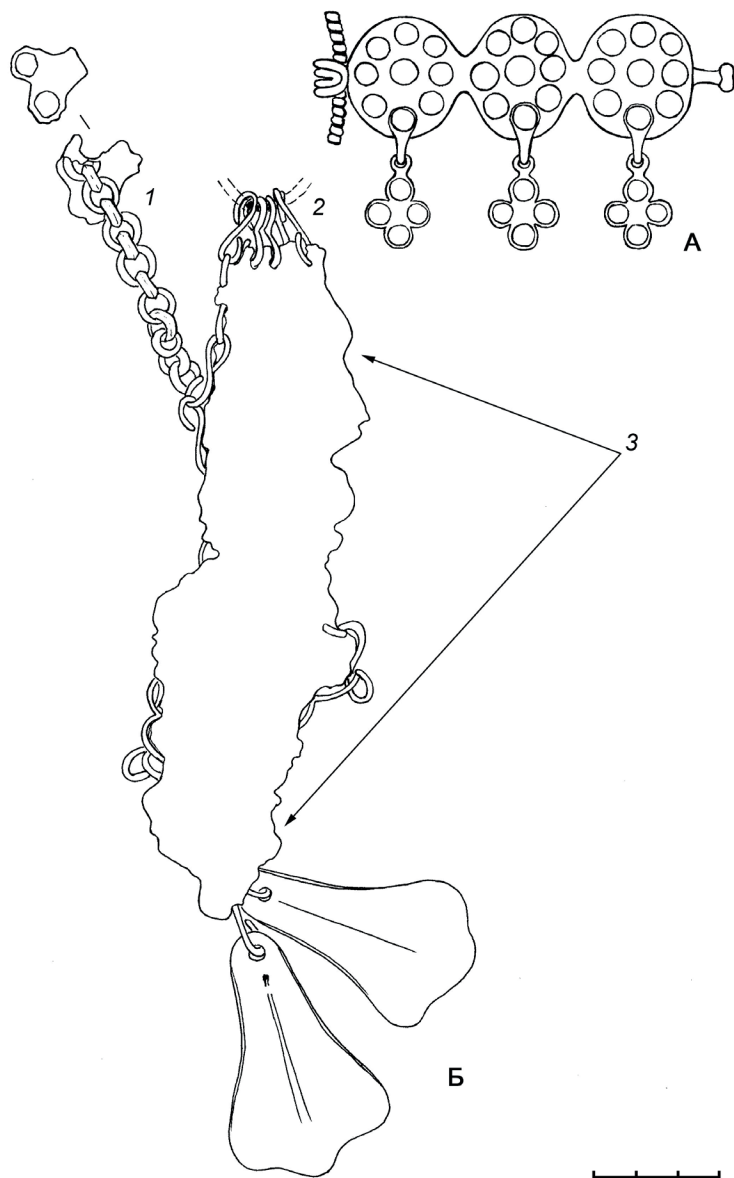

Рис. 3. Нагрудное украшение из погребения 66 Тураевского I могильника:
А — вариант реконструкции облика фибулы; Б — привесное (шумящее) украшение к фибуле
(1 — фрагмент цепочки с подвеской (?); 2 — подвески с остатками кожаного (?) шнура;
3 — спекшийся фрагмент кольчужного предмета). А, Б — железо, цветной сплав

Figure 3. Turaevo I burial ground. Breast adornment from grave 66: A — brooch reconstruction, a version; Б — jingling pendant at the brooch (1 — fragment of a chain with a pendant (?); 2 — pendants with a part of leather (?) strap; 3 — a soldered fragment of a chain mail). А, Б — iron, non-ferrous metal

Останина 2 с конца IV и весь V век н. э. [21, с. 31]. По нашим наблюдениям и имеющимся хронологическим разработкам [8, с. 51 — 55; 20, с. 296, рис. 51: 53, 60, 62; 21, с. 44 — 45], шумящие украшения были известны уже в «раннем» мазунино (2-я половина / конец III в. — начало IV / весь (?) IV век н. э.), которое маркируют фибулы типов Амброз-13 (Тарасово 25Б, 736Б), Останина 1-1 (Тарасово 130, 717, Ижевск 48) и Останина 1-2 (например, Тарасово 383, Тураево 225, Нива 83Б, Ижевск 50, 100 и др.). Конструктивные особенности данных застежек не предполагали использования самого щитка в качестве фиксатора привесок. В связи с этим низки, как правило, были наборные и, очевидно, подвешивались с помощью шнурков (либо каких-то других крепежных элементов) на саму иглу, или к пружине / приемнику иглы фибулы, что типично для финно-угорского костюма.

Пик бытования мазунинских шумящих украшений приходится на время использования фибул типов Останина 1-5, Останина-2 [21, с. 22, 23] с дополнительными петельками на щитках для крепления привесок (тип 1) и/или массивными наборными привесками (тип 2)⁵ — реалии «развитого» мазунино. Их хронологическая позиция определяется исследователями в рамках IV / конца IV — V вв. н. э. (с упором на V в.) [8, с. 57, 59 — 63; 20, с. 296, рис. 51: 23, 25; 21, с. 45 — 47]. Однако верхняя хронологическая граница требует дополнительного уточнения.

Оба типа фибул зафиксированы в нескольких комплексах (Тураево 39, 165, Нива 150А) и, судя по составу погребального инвентаря, могли использоваться в мазунинском костюме приблизительно в одно и то же время. В данных наборах наравне с местной поясной и обувной гарнитурой, выполненной в одном стиле с фибулами типов Останина 1-5 и Останина 2 (т. е. богато украшенной бронзовыми шпеньками-полугорошинами [7, с. 127, 398; 20, с. 60, 61, 64, 257, 258, 296, рис. 11: 24 — 26, 28, 33, 37, 38, рис. 12: 15, рис. 51: 27, 42]), встречаются пояса с накладками-ромбиками, пряжками (близки типу Малашев П9 — с коротким язычком и низким уступом у основания сзади, но со щитками сегментовидной формы) и наконечниками ремней типа Малашев Н10, которые по степным аналогиям использовались с конца III в. вплоть до середины / последней четверти IV в. н. э. (наконечники известны и в раннем V веке) [16, с. 196, 197, 200 — 203, 205 — 207]⁶. В погребе-

⁵ В выборку вошли многочисленные застежки типов Останина 1-3, 1-4, 3 и трехщитковые с наборными привесками.

⁶ Покровский 147, 149, Тарасово 157, 169А, 193, 402, 429, 1675 (на язычке из цветного металла имеется невысокий квадратный уступ), 1721 (язычок пряжки отличается от рисунка (Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I — V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. 2. Табл. 638: 1): невысокий и практически незаметный уступ обозначен гравировкой в виде косых перекрещивающихся линий; край язычка чуть сколот), 1762, Тураево 39, 204, Дубровский 203. Образцы с прямоугольными или трапециевидными/подтреугольными щитками редки — Тарасово 374, 1762, Старо-Кабаново 80, 115. В коллекции с данными фибулами имеются три рамчатые пряжки — Усть-Сарапулка 1 (2 экземпляра), Тураево 77 — с ограненными рамками округлой формы, имеющими утолщение в передней части; язычки короткие (не доходят до середины сечения рамок), гладкие, прогнутые в середине, без уступов. На одной из пряжек (Арматынская О. В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века: межвуз. сб. науч. тр. Устинов, 1986. Рис. 3: 12) язычок фасетирован аналогично позднесарматским пряжкам III в. н. э. (П26) (Малашев В. Ю. Периодизация ремennых гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д, 2000. Вып. 1. С. 195 — 196, 199, 207 — 209).

ниях 80 и 135 Старо-Кабановского могильника с фибулами «сайгатского» типа найдены пряжки, схожие со степными образцами П10 (с прямым язычком, заходящим за середину сечения рамки и уступом у основания сзади, 2-я четверть IV — начало V в. [16, с. 197, 202, 203, 205, 206]), но с подтреугольными или округлыми щитками⁷; в погребении 80 два таких предмета выявлены в одном комплексе с пряжкой типа П9 (со щитком трапециевидной формы) и одночастными наконечниками типа Малашев Н8 (с круглым/секировидным (?) расширением в нижней части), которые бытовали с конца позднесарматского времени и в гуннский период [16, с. 197, 205, 221].

Выпадение указанных типов поясной гарнитуры (при явном господстве пряжек П9) в мазунинских погребениях с фибулами типов Останина 1-5 и Останина 2 могло произойти в интервале, близком к середине IV в. н. э. (возможно, 2 — 3-я четверть IV в.). К этому периоду, судя по всему, относится группа азелинских комплексов с прямоугольными шумящими подвесками (тип Лещинская ИЖ13), которые, попав в мазунинскую среду, были переделаны в привычные для местного населения застежки-фибулы (тип Останина 2-а — Покровский 147, Тарасово 402, Старо-Кабаново 71, 115, Сайгатка 8) [10, с. 134, 135, 175, 176; 14, с. 85; 20, с. 44]. Н. А. Лещинская такие украшения, встречающиеся с арочными подвесками типа Лещинская ИС, датирует концом IV — V вв.; ряд исследователей относят появление прямоугольных (стилистически ранних образцов — комплекс погребения 16 Нармонского могильника) и арочных подвесок (тип 1, по В. В. Ставицкому) к середине IV в. [4, с. 14; 14, с. 64, 88 — 90, 173, 174, 194; 22, с. 97 — 98]. В азелинских погребениях с прямоугольными шумящими подвесками, как и в мазунинских с фибулами типов Останина 1-5 и 2, встречаются поясные наборы с пряжками П9, накладками-ромбиками и наконечниками Н10 (Первомайский 3), головные ленты с фигурными накладками из 2-4 окружностей и каплевидных привесок (тип Лещинская 47д-1 — Уржумка 6, 22, Тураево 29), а также импортные сильнопрофилированные фибулы типа Амброс 11-II-3 (Уржумка 21 и Старо-Кабаново 107), верхняя хронологическая граница которых (за пределами аланской культуры) определяется гуннским временем, но в рамках IV в. н. э. [10, с. 134 — 135, 143, табл. 1; 14, с. 69, 121, 387, табл. 44: 16, табл. 133: 6 — 10; 17, с. 54 — 72; 18, рис. 46: 4, рис. 54: 1].

Обозначенные выше «контур» азелинско-мазунинского блока погребений требуют более детального хронологического обоснования. Очевидно одно: появление «стандартизированных» шумящих украшений в мазунинской среде произошло не без влияния «западных» тенденций моды на такие аксессуары женского костюма, распространенных, в первую очередь, у ближайших соседей мазунинцев — азелинских племен, а также древнемордовского, рязано-окского и, вероятно, позднедьяковского населения.

Заключение

Рассмотренные нагрудные украшения мазунинской культуры, несмотря на определенное локальное своеобразие, были выполнены в типичной для финно-

⁷ Еще две пряжки типа П10 имеются в погребениях 1783 Тарасовского и 152 Старо-Кабановского могильника с застежками типа Останина 3-а (Сабирова Т. М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. Ижевск, 2019. С. 22 – 23). Подвески на них наборные.

угорского мира схеме шумящих украшений — основа (в данном случае, застежка) со свисавшими свободно привесками, которые издавали шум (звон) при движении.

Для раннего этапа культуры были характерны собранные из различных материалов наборные привески, которые подвешивались к фибулам с помощью шнурков из органических материалов. Позднее, уже в «развитом» мазунино (около середины IV в.), под влиянием «поволжско-финских» культурных традиций мазунино вырабатывают собственные варианты шумящих украшений к застежкам (тип 1). Наборные подвески к фибулам (тип 2) в это время становятся длиннее и массивнее во многом благодаря включению в их состав фрагментов воинских кольчужных доспехов — феномен, который пока не находит прямых аналогий в соседних лесных культурах Урало-Поволжья.

Рассматриваемые составные нагрудные украшения использовались преимущественно в женском уборе; особо нарядные экземпляры входили в статусный погребальный костюм девушек и молодых женщин. Близкие параллели особенно заметны в этнографической культуре поволжских финнов [2, с. 111 — 117]⁸. Например, молодые мордовки (женщины и девушки) носили сюльгамы с роскошными привесками из различных декоративных материалов (саму застежку обычно прятали под воротником или ожерельем, а привеска свободно свисала на груди), тогда как пожилые женщины скалывали грудной разрез простыми сюльгами без подвесок. Роскошные украшения входили в состав свадебного приданого; изготавливали их местные сельские мастерицы. Простые овальные фибулы луговых мари (уржумско-сернурских) — *ширкама* — тоже нередко украшались подвесками из различных материалов. Такие предметы являлись праздничным вариантом украшения.

Редкость и сложность исполнения некоторых образцов, очевидно, могут рассматриваться как свидетельство особого статуса владелиц шумящих нагрудных украшений в мазуниноском обществе. В любом случае смотрелось такое украшение в женском уборе достаточно эффектно, особо выделяя своих носительниц среди других членов коллектива.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Армагынская О. В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века: межвуз. сб. науч. тр. Устинов: УдГУ, 1986. С. 26 — 46.
2. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 214 с. (Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; вып. 3)
3. Бернц В. А., Черных Е. М., Перевозчикова С. А. Исследования Камско-Вятской археологической экспедиции в Киясовском районе Удмуртской Республики // Археологические открытия 2010 — 2013 годов. М.: Ин-т археологии РАН, 2015. С. 455 — 457.
4. Бугров Д. Г. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 7 — 34.
5. Васюткин С. М., Останина Т. И. Старо-Кабановский могильник — памятник мазуниноской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64 — 125.

⁸ Молотова Т. Л. Марийский костюм: альбом. Йошкар-Ола, 2020. С. 82; Прокина Т. П. Мордовский народный костюм: альбом. Саранск, 2007. С. 21.

6. Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I — V вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмуртия, 2003. Т. 2. 721 с. (МиИКВАЭ; т. 11)
7. Голдина Р. Д., Бернц В. А. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2010. 499 с. (МиИКВАЭ; т. 17)
8. Голдина Р. Д., Бернц В. А. Хронология женских погребений III — V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 42 — 72.
9. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.: [б. и.], 1952. 328 с. (МИА; № 30)
10. Красноперов А. А. Азелино: движение на восток. Находки азелинских вещей к востоку от основного ареала // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 130 — 177.
11. Красноперов А. А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н. э. — V в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 273 с.
12. Красноперов А. А., Черных Е. М. Женский головной убор из Дубровского могильника IV — V вв. н. э. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 216 — 237.
13. Красноперов А. А., Меньшикова Ю. А., Черных Е. М. Об одном редком типе головных уборов древнего населения Прикамья // Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; М., 2018. Вып. 14. С. 89 — 99.
14. Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I — V вв. н. э.). Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2014. 472 с. (МиИКВАЭ; т. 27)
15. Мажитов Н. А. Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.
16. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исслед. по археологии Дона: сб. ст. Ростов н/Д: Терра, 2000. Вып. 1. С. 194 — 232.
17. Малашев В. Ю., Кадзаева З. П. Сильнопрофилированные фибулы середины III — IV вв. н. э. // Российская археология. 2021. № 2. С. 54 — 72.
18. Никитина Т. Б. История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 160 с. (Тр. МАЭ; т. V)
19. Останина Т. И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26 — 92.
20. Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III — V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.
21. Сабирова Т. М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. Ижевск: Шелест, 2019. 238 с.
22. Ставицкий В. В. Хронология арочных шумящих подвесок с конями // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 90 — 101.
23. Стоянов В. Е. Сайгатский могильник на Средней Каме. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 117 — 134. (ВАУ; вып. 4)
24. Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2004. 172 с.
25. Тагиров Ф. М. Новые исследования Ангасякского могильника // Уфимский археологический вестник. 2007. № 6 — 7. С. 89 — 110.
26. Файзуллина Д. Ф. Элементы костюма населения Волго-Камья раннего железного века как начальная точка формирования традиционного костюма народов финно-угорской языковой семьи // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 4. С. 85 — 92.
27. Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: к 100-летию Алексея Петровича Смирнова: сб. ст.]. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 387 с.
28. Хайруллина О. Ф. Предметы кольчужного плетения в женском уборе населения Среднего Прикамья III — V вв. // Археология евразийских степей. 2021. № 2. С. 314 — 324.

29. Черных Е. М. Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 2. С. 438 — 440.

30. Черных Е. М., Ширококов И. Г. Новые могильники мазунинского типа в Удмуртском Прикамье: к вопросу о внутренних миграциях // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22, № 2. С. 258 — 268.

31. Черных Е. М., Перевозчикова С. А., Бернц В. А. Открытие и исследование нового могильника IV — V вв. на юге Удмуртии // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения: материалы Всерос. науч. конф. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2010. С. 207 — 211.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

Информация об авторах:

Ольга Фаридовна Хайруллина, эксперт отдела информационного обеспечения Агентства по государственной охране объектов культурного наследия Удмуртской Республики (426051, Россия, г. Ижевск, ул. М. Горького, 73), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9976-1074>, olenbka93@bk.ru

Елизавета Михайловна Черных, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1), кандидат исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5800-7545>, emch59@mail.ru

Вклад авторов:

Хайруллина О. Ф. — разработка концепции, анализ литературы и сбор материала, обработка материала, написание первоначального варианта статьи, рисунки к статье;

Черных Е. М. — идея, критический анализ и научное редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Armatynskaya OV. The Ust-Sarapulsky burial ground. *The Cis-Ural in ancient times and in the Middle Ages. Intercollegiate collection of scientific papers*. Ustinov;1986:26—46. (In Russ.)
2. Belitser VN. Mordovian folk clothes. Moscow;1973. (In Russ.)
3. Bernts VA, Chernykh EM, Perevozchikova SA. Research of the Kama-Vyatka archaeological expedition in the Kiyasovsky district of the Udmurt Republic. *Archaeological discoveries of 2010-2013*. Moscow;2015:455—457. (In Russ.)
4. Bugrov DG. Complex of finds from a destroyed early medieval burial in North of Tatarstan. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2015;4:7—34. (In Russ.)
5. Vasiutkin SM, Ostanina TI. The Staro-Kabanovsky burial ground — a monument of Mazunino culture in Northern Bashkiria. *Questions of history and culture of Udmurtia*. Ustinov;1986:64—125. (In Russ.)
6. Goldina RD. The Tarasovo burial ground of the I—V centuries AD on the Middle Kama. Izhevsk; 2003;2. (In Russ.)
7. Goldina RD, Bernts VA. The Turaevo I burial ground — a unique monument of the Great Migration period in the Middle Kama region. Izhevsk;2010. (In Russ.)

8. Goldina RD, Bernts VA. Chronology of 3rd—5th century female graves from Tarasovo burial ground. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2017;2:42—72. (In Russ.)
9. Zbrueva AV. History of the population of the Kama region in the Ananyino era. *Materials and research on the archaeology of the USSR*. Proceedings. Moscow;1952;30. (In Russ.)
10. Krasnoperov AA. The Azelino: the movement to the East. The finds of the Azelino artefacts eastward of their home area. *Archaeology of the Eurasian steppes*. 2018;1:130—177. (In Russ.)
11. Krasnoperov AA. The costume of the population of the Cheganda culture in the Kama region (II century BC — V century AD). PhD Thesis. Izhevsk;2006. (In Russ.)
12. Krasnoperov AA, Chernykh EM. Female headdress from Dubrovskiy burial ground of 4th—5th centuries. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2017;1:216—237. (In Russ.)
13. Krasnoperov AA, Menshikova YuA, Chernykh EM. About one rare type of hats of the ancient population of the Kama region. *Historical and Archaeological Almanac*. 2018;14:89—99. (In Russ.)
14. Leshchinskaia NA. Vyatka region in the Pyanobor era (based on the materials of funerary monuments of the I — V centuries AD). Izhevsk;2014. (In Russ.)
15. Mazhitov NA. The Bakhmutino culture. Ethnic history of the population of Northern Bashkiria in the middle of the I millennium AD. Moscow;1968. (In Russ.)
16. Malashev VYu. The periodization of belt headsets of the Late Sarmatian period. *Sarmatians and their neighbors on the Don. Materials and research on the archeology of the Don*. Proceedings. Rostov-on-Don;2000;1:194—232. (In Russ.)
17. Malashev VYu, Kadzaeva ZP. Strongly profiled fibulae of the middle 3rd—4th century. *Russian archaeology*. 2021;2:54—72. (In Russ.)
18. Nikitina TB. The history of the population of the Mari region in the I millennium AD (based on the materials of burial grounds). Ioshkar-Ola;1999. (In Russ.)
19. Ostanina TI. Two of the burial ground of Mazunino culture in Central Udmurtia. Searches, research, discoveries. Izhevsk;1984:26—92. (In Russ.)
20. Ostanina TI. The population of the Middle Kama region in the III—V centuries AD. Izhevsk;1997. (In Russ.)
21. Sabirova TM. Fibulae of the Middle Kama region of the first half of the I millennium AD. Izhevsk;2019. (In Russ.)
22. Stavitsky VV. The Chronology of the Arched Rustling Pendants with Horses. *Povolzhskaya Arkheologiya*. 2016;1(15):90—101. (In Russ.)
23. Stoyanov VE. The Saigatsky burial ground on the Middle Kama region. *Questions of the archeology of the Urals*. Proceedings. Sverdlovsk;1962;4: 117—134. (In Russ.)
24. Sungatov FA, Garustovich GN, Iusupov RM. The Cis-Urals in the Great Migration period: (The Staraya Mushta burial ground). Ufa;2004. (In Russ.)
25. Tagirov FM. New studies of the Angasyak burial ground. *Ufa Archaeological Herald*. 2007;6—7:89—110. (In Russ.)
26. Faizullina DF. Costume elements of Volga-Kama people of the early Iron Age as a start point of traditional costume forming of the people of the Finno-Ugric language family. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2010;4:85—92 (In Russ.)
27. Finno-Ugric Peoples of the Volga region and the Urals in the Middle Ages. Izhevsk;1999. (In Russ.)
28. Khairullina OF. Fragments of chain mail armor in women's attire of the Middle Kama region in the III—V centuries AD. *Archaeology of the Eurasian steppes*. 2021;2:314—324. (In Russ.)
29. Chernykh EM. Two Cemeteries of the Mazunino Archaeological Type in Udmurt Kama Region. *Proceedings of Russian Archaeological Congress*. Kazan;2014;2: 437—439. (In Russ.)
30. Chernykh EM, Shirobokov IG. Newly discovered necropolises of the Mazunino culture in the Udmurt Kama region: to the problem of internal migrations. *Ufa Archaeological Herald*. 2022;22(2):258—268. (In Russ.)
31. Chernykh EM, Perevozchikova SA, Bernts VA. Discovery and Investigations of New Archaeological site of 4—5 cc. in Southern Udmurtia. *Archaeological Heritage as a Reflection of His-*

torical Experience of Human, Nature and Society (XIII Bader's Readings). Izhevsk;2010: 207—211. (In Russ.)

The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Information about the authors:

Olga F. Khairullina, expert of the Agency for State Protection of Cultural Heritage of the Udmurt Republic (73 M. Gorky Str., Izhevsk 426051, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9976-1074>, olenbka93@bk.ru

Elizaveta M. Chernykh, Professor Udmurt State University (1 Universitetskaya Str., Izhevsk 426034, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5800-7545>, emch59@mail.ru

Contribution of the authors:

Khairullina O. F. — concept development, literature analysis and data collection, data processing, writing the draft version of the article, illustrations;

Chernykh E. M. — concept, critical analysis and scientific editing of the article.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors read and approved the final version of the manuscript.